

ГЛАВА 4.1.20. «ПЕРЕСТРОЙКА» В КОМСОМОЛЕ (вид снизу)» (октябрь 1989 г.)

«Говорили как-то с ребятами с ЗиДа. Они сравнивали Пленум ЦК ВЛКСМ с океаном во время шторма: на поверхности воды – буря, средние слои – колеблются, а на дне – тишина, застой...»

[«ЗТ», 28.08.1989].

«В 1985 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС был избран М.С.Горбачев, который начал новый этап истории советского государства, партии и комсомола, этап реформирования политической системы общества... Целостного продуманного плана «перестройки» не было. Много делалось путём проб и ошибок...

Началом реформирования комсомола можно считать работу XIII пленума ЦК ВЛКСМ, состоявшегося в июле 1986 г. ...

Очередной шаг вперёд в деле реформирования комсомола был сделан на VII пленуме ЦК ВЛКСМ в мае 1989 г. Его решения можно назвать переломными. Активно развивавшиеся в обществе политические процессы и возникавшие в связи с этим новые проблемы вызвали необходимость радикальных изменений деятельности комсомола. Пленум принял решение об изменениях в Уставе ВЛКСМ и разработке программы комсомола.

*Суть изменений должна была заключаться в том, чтобы **перенести центр тяжести в работе комсомола на низовые уровни, главным образом, в первичные организации**...» [Мухамеджанов М.М. «Комсомол: последние 10 лет (1981–1991)»].*

Вот и посмотрим, каким был взгляд на всё это (комсомол и его «перестройку») снизу, тех самых первичных организаций, в то самое время из 1989 года.

Удивительно и даже не верится, что такой аналитический взгляд в то самое «перестроечное» время был у простой комсомолки, ученицы школы №14 (С. Сдвижковой), а комсомольские функционеры всей уровней продолжали «работать» по течению, указанному сверху.

*****

«Что же из себя представляет комсомол? Кому и зачем он нужен! Каковы его цели и пути их достижения?»

В настоящий момент ответы на эти вопросы не могут быть однозначными.

XX съезд ВЛКСМ, изменив Устав, поставил организацию в нелепое положение. Раньше было проще. Комсомол считался общественной организацией и находился под влиянием КПСС. Лучшие всего отношения между КПСС и ВЛКСМ отражает лозунг, как раз в то время рождённый: «Партии сказала: «Надо», – комсомол ответил: «Есть!»

Сейчас всё гораздо сложнее. Комсомол стал самостоятельной политической организацией. Ему предоставлено право участвовать в политической жизни страны. Он может выдвигать своих кандидатов в верховные органы власти. Ура! Как здорово! Только почему же никто не прыгает от радости и не бьёт в ладошки? Да потому что комсомол как самостоятельная политическая организация существовать не может. «Позвольте, – возразите вы, – но она же есть». То-то и оно, что нет. Организации нет. Есть жалкое её подобие. Её подменяет мощная с виду пирамида аппарата.

Комсомол самостоятелен в политическом отношении только в словах Устава. В действительности он почти полностью зависит от КПСС, даже теоретически. Он сам себя обрёл на это, вменив в правило централизм: решения высших обязательны для низших (ст. 12. Устава ВЛКСМ). Причём, в этом же Уставе (ст. 40, 41) говорится, что все комсомольские секретари, выше горкома комсомола, должны быть партийными. И та-

кой комсомольский работник обязан в силу партийной дисциплины выполнять то, что прикажет ему партия. А мы, низшие, обязаны будем подчиниться, даже если не согласимся. В протокол же собрания занесут причины, по которым ты против, как особое мнение. Этим дело и кончится.

Практически же зависимость ещё большая, так как самостоятельность объявили, а секретарей не сменили, и они не знают, как работать самим. Получается, что комсомол у партии «под каблучком». Он может, конечно, пиццать, прося о свободе. Может, собрав силёнки, приподнять её пятку, чтоб указать носком её же сапога в сторону молодёжных проблем, но добиться их разрешения – едва ли. Даже если комсомольцы вдруг на выборах получат большинство, они не смогут стать хорошей политической организацией, ибо в любой организации должны быть не только умные и деятельные, но и опытные люди. Устав же предполагает, что непартийные члены ВЛКСМ могут водиться в союзе лишь до 28 лет. А неопытность молодости пошла в поговорки...

Например, чтобы занятия по информатике были интересными, нужно в школе иметь хоть один компьютер. Но у школы денег нет. У комсомола тем более. Надо бы организовать диско-клуб – опять же оборудования нет. Школе не хватает даже таких простых вещей, как хорошего мела, реактивов для уроков химии, оборудования для физических опытов, не хватает даже парт в классах.

Для разрешения проблем нужны деньги. У нас их нет.

Деньги кончаются там, где появляются освобождённые секретари и инструкторы, которые ходят к нам на заседания и говорят либо об известном, либо о неприемлемом. Короче, деньги, идущие на содержание аппарата, гораздо больше пригодились бы в первичных комсомольских организациях: мы могли бы реализовать наши идеи. Со своими общественными задачами, на мой взгляд, комсомол не справляется, по крайней мере, в школе...

Но эта проблема не только комсомольская. Решать её надо на высшем уровне.

Школьный комсомол лишён рычагов влияния на несоюзную молодёжь.

Единственное, что он может – ворочать языком. Однако этим сейчас занимаются все, причём нисколько не хуже комсомольцев.

Спрашивается, что меня удерживает в комсомоле? Что я там делаю, если понимаю его положение?

Во-первых, у нас нет никакой другой политической молодёжной организации, которая могла бы, если не защитить молодёжь, то хотя бы поставить её проблемы на уровень Съезда народных депутатов. А их у молодёжи достаточно... Будь в нашей стране хоть какая действенная молодёжная политическая организация, я, конечно, была бы там. Но «на безрыбье и рак рыба».

Вторая же причина того, что я в комсомоле, такова: общешкольное комсомольское собрание – единственная трибуна, где я могу высказать свои взгляды на происходящее. Конечно, после этого ничего не меняется, но, по крайней мере, меня слушают.

В наши дни всеми, даже «верхами» признаётся, что комсомол в состоянии кризиса.

Каков он по размерам и есть ли из него выход? Чтобы это было наглядней, представим организацию как классическую пирамиду власти, где фундамент – первичные комсомольские организации, выше районные, городские, областные... ЦК ВЛКСМ. И вот эта пирамида, прочно стоявшая в течение 70 лет, вдруг стала крениться. Верхние, увидев такое положение вещей, сообразив, что они всех выше, и когда пирамиде рухнет, им будет больнее всех падать, начали поговаривать о перестройке в комсомоле. Сперва решили провести чистку сей пирамиды, т.е. самые рассыпавшиеся кирпичи выкинуть и не брать в постройку плохо обожжённые. (Я вступала в организацию как раз в то время и на себе испытала эту «термообработку». Она оказалась поверхностной).

Чистка дала мало. Пирамида приобрела ещё больший крен. Причина-то была не столько в самой пирамиде, сколько в фундаменте.

Развалился он, пошли трещины. Раствор камни уже не скрепляет – куда-то исчезла идея, связывающая первичные организации.

Конечно, камни фундамента весьма инертны, привыкли держать здание на своих плечах. Да и раскачаться сильно не дают, сверку к земле прижимают. Но есть и ещё одна точна опоры у этой пирамиды – вверху. Верхние этажи комсомола прямо-таки вросли в другую, более высокую пирамиду – партийное руководство. Она гораздо прочнее комсомольской, ибо раствор меж её камней замешан на власти законной. Однако цементирующей идеи нет, поэтому она тоже пошатывается. Чтоб пирамида комсомола не упала, надо её по кирпичикам разобрать. Я говорю о самороспуске. Это будет наиболее честным и экономически выгодным решением. Освобождённые из пирамиды камешки могут быть обработаны и включены в другие здания.

Редко кто отказывается от власти добровольно. Поэтому не стоит ждать роспуска ВЛКСМ сверху. Но если его и не распустят, то лет через 10 он исчезнет. Там будет так мало членов, что они не смогут прокормить аппарат. Пирамида рухнет.

Вот тогда-то об этом заговорят в очередях. Тогда эта тема станет популярной. Сейчас же от комсомола людям ни холодно, ни жарко. Поэтому разговоры все о сахаре, мыле. С. Сдвижкова, ученица школы №14» [«ЗТ», 04.10.1989].

*****